

Именно это подметил в своей рецензии А. Комнин: «Моралистика и мессианские идеи полностью отсутствуют, национальная экзотика присутствует ровно настолько, насколько автор не способен выскочить из собственной кожи. И изрядная длина его коротких рассказов – лишь подтверждение простого факта: индивидуальности неповторимы, зато судьбы повторимы и предсказуемы. Из столкновения неповторимости и повторяемости рождается проза жизни – еврейской, американской, русской и какой угодно другой»[3].

Возможно, в ряде образов автор использует еврейскую атрибутику, понимание которой придает рассказу дополнительную глубину. Такая трактовка вполне возможна, если учитывать происхождение Беллоу и национальную принадлежность изображаемых героев. Так, внешне не мотивированный поступок с кражей блюда (у отца Вуди не было никакого основания думать об отказе в материальной помощи), получает другую, символистскую трактовку «отъятия» того, что никак не может быть в этом месте. Глубину данному эпизоду придает то обстоятельство, что серебряное блюдо может быть рассмотрено как кеара – ритуальное блюдо, используемое во время проведения пасхального седера – ключевого ритуала праздника освобождения евреев от египетского рабства. Такое воровство может быть расценено как попытка спасения символа еврейства из христианского контекста, а далее по тексту – и спасение самого Вуди из христианского окружения. Вынесение понятия «серебряное блюдо» в заголовок рассказа может подчеркивать связь Вуди со своими корнями и проблемы еврейской общины США, которая ассимилируется и забывает о собственном происхождении.

Рассказ «Серебряное блюдо» Сола Беллоу расшатывает привычное для Америки понимание идентичности и культурного господства, понимание места как строгой пространственной локализации. Эта культура, вбирающая в себя, но не объединяющая самые различные традиции, приводит к одиночеству и бесплодности даже самых лучших, самых разумных и удачливых потомков эмигрантов. Беллоу преодолевает узкие национальные и государственные рамки, свидетельствует о сложном противодействии в душе потомков эмигрантов восточных и западных традиций, взаимопроницающих в новом геополитическом пространстве.

Источники и литература:

1. Беллоу Сол. Серебряное блюдо : Рассказы / Сол Беллоу; [пер. с англ.]. – М. : АСТ; Текст, 2006. – 254 с.
2. Карамеев С. Памяти Сола Беллоу : [Электронный ресурс] / С. Карамеев. – Режим доступа : <http://www.bellou.net.ru/lib/ar/author/61>
3. Комнин А. Еврейские ковбои в чикагских прериях. Длинный короткий рассказ: родился, женился, умер : [Электронный ресурс] / А. Комнин. – Режим доступа: http://exlibris.ng.ru/lit/2006-02-16/4_cowboys.html
4. Лауреаты Нобелевской премии по литературе. Сол Беллоу : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://noblit.ru/content/category/4/96/33/>
5. Мансон С. Сол Беллоу и его евреи : [Электронный ресурс] / С. Мансон. – Режим доступа : <http://booknik.ru/colonnade/othershore/?id=34301>
6. Эндель Мария. Не все сохраняет Бог : [Электронный ресурс] / Мария Эндель. – Режим доступа : <http://booknik.ru/reviews/fiction/?id=10276>
7. Эпстайн Д. Сол Беллоу : становление крупного писателя / Д. Эпстайн // Америка. – 1965. – № 110. – С. 20-21.

Рустемова Л.А., Рустемов О.Д.

УДК 821.512.145

БЕКИР ЧОБАН-ЗАДЕ КАК ТИП «ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ».

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОЭТА В АСПЕКТАХ ПРАГМАТИКИ

Творческое наследие известного крымскотатарского ученого-филолога, самобытного поэта и политического деятеля Бекира Чобан-заде богато и разнообразно. Областью его научных исследований явились тюркские языки, их история, фонология и лексикология. Еще студентом Будапештского университета Чобан-заде увлекся изучением памятника «Codex Cumanicus», являющегося по многим параметрам эволюционной ступенью современного крымскотатарского языка. Результатом этих изысканий стала диссертация по проблемам артикуляции и сингармонизма в тюркских языках, представляющая научный интерес в языкознании.

Изучению художественного наследия Чобан-заде посвящено много работ. Особого внимания в этом плане заслуживает статья турецкого автора А. Баттал Таймаза, где речь идет об этапах творческого пути поэта, диалектных особенностях его лирики [10]. В пространной монографии Исмаила Отара представлена переписка Чобан-заде с его другом Хамди Атаманом, приведены образцы художественной прозы, дан структурный анализ лирических произведений крымскотатарского автора [11].

В отечественном литературоведении среди исследований последних лет наиболее значима работа Юнусова Ш. Ю. [8]. Попытка осмыслить вопросы литературной преемственности и дать анализ системы образов и знаковой символики поэзии Б. Чобан-заде предприняты в статьях Рустемовой Л.А. и Рустемова О.Д. [4,5].

Цель данной работы – рассмотреть творчество Бекира Чобан-заде в аспектах прагмалингвистического типирования поэта на основе особенностей его художественной речи.

Актуальность исследования определяется стремлением представить поэтический дискурс крымскотатарского автора в ракурсе современных семасиологических тенденций изучения литературы. Данный подход дает возможность изучать тюрко-язычную, в данном случае крымскотатарскую, поэзию в контексте достижений прагмалингвистики и представить эту малоизученную литературу как часть общемирового художественного контента.

Прагмалингвистика – одно из направлений современной семиотики, предлагающее изучение текстов и особенностей речи писателей методом типирования «языковой личности». Она базируется на внутренней дихотомии: интровертное и экстравертное речевое поведение. Это относительно молодая отрасль языкознания, «в центре внимания которой – общение, осуществляющееся коммуникантами в определенных социальных и межличностных условиях, с определенными мотивациями и целями, с использованием специальных языковых средств» [7]. Согласно Словарю Мировой литературы Джозефа Шипли, – «прагматика, учение о связях и возможных комбинациях между знаками (их материальным воплощением) и их потребителями. Она исследует литературу как коммуникативный процесс, осуществляемый посредством специфической системы знаков, являющейся материальным субстратом значений, которая передается в качестве указания реципиенту на их раскрытие, а также изучает своеобразие (литературность) литературы как вторичной семиотической системы, чьи знаки хотя и отклоняются от естественного языка, но не указывают на реальные объекты и к тому же независимы от систем других видов [11, с. 845]».

С точки зрения прагмалингвистики психологический портрет автора позволяют определить применяемые им в соотношении к семантическому и эмоциональному замыслу средства художественного языка, общий поэтический и музыкальный рисунок, интонация, символика, и т.п., что в настоящей статье мы определяем как фигуры дискурса (Р.О., Р.Л.). В данном случае областью исследования будут являться отличительные черты дискурса, моделируемого поэтом, которые, в свою очередь, зависят как от внутренних умозрительных и психологических его особенностей, так и внешних обстоятельств его жизни. В результате взаимодействия всех природных, социальных, культурологических и психологических факторов складывается определенный тип человека – поэта, писателя, т.е. – «языковая личность». В рамках означенного исследования Бекир Чобан-заде представляет собой любопытный и неординарный объект наблюдения.

Современные концепции изучения литературного произведения предполагают активное присутствие автора в тексте, что, на первый взгляд, конфликтует с теорией Ролана Барта, в которой он отрицает возможность личностной идентификации писателя в тексте априори: «...в письме как раз и уничтожается всякое понятие о голосе, об источнике. Письмо – та область неопределенности, неоднородности и уклончивости, где теряются следы нашей субъективности, черно-белый лабиринт, где исчезает всякая самоожесточенность, и в первую очередь телесная тождественность пишущего» [1, с. 383].

С другой стороны, ставшие уже традиционными за последние десятилетия воззрения на текст, как на многоуровневый информационный контент, предполагают сотрудничество автора и читателя. Само по себе это возможно лишь при проявлении личностных, персональных когнитивных и декодирующих качеств, как автора, так и читателя. Примером могут служить концептуальные взгляды Умберто Эко, предполагающие равноправие между автором и читателем в процессе создания текста. Ведь никто иной, как читатель, наделенный опытом жизни, знакомый с миром, являющийся частью этого мира, способен понимать, распознавать коды, заложенные писателем, а зачастую и вольно их трактовать, уходя воображением далеко за очерченные автором горизонты. Рассуждая о тексте, как таковом, о роли в нем читателя и автора, Умберто Эко пишет: «...текст есть некое синтактико – семантико – прагматическое устройство, чья предвидимая интерпретация есть часть самого процесса его создания. Но такое определение все же слишком абстрактно. Чтобы сделать его более конкретным, следовало бы представить «идеальный» текст как некую систему «узлов» или «сплетений» и установить, в каких из них ожидается и стимулируется сотрудничество-сотворчество М-Читателя (модель-читатель – Р.О., Р.А.) [8, с. 25].

Для определения личности Чобан-заде как интроверта, т.е. погруженного в себя, в свой внутренний мир а, следовательно, мнительного, склонного к критическому самоанализу человека, либо экстраверта, т.е. поэта, направленного во вне, на получателя информации, необходимо, прежде всего, определиться с инструментарием. В прагмалингвистике интровертное речевое поведение характеризуется высокой степенью свернутости, обращенности внутрь себя, своих переживаний, ощущений, собственных представлений о реальности, отчасти, моделирование этой реальности. В качестве маркеров подобного поведения можно выделить фигуры убавления речи (например: эллипсис, асиндетон, просиопезис, апосиопезис), а также обрывистый, недостаточный синтаксис, краткие фразы, неполные предложения. Экстравертный характер речи отличается развернутостью, использованием полного синтаксиса, в котором присутствуют пояснения, дополнения, обособления, вводные слова, причастные или деепричастные обороты и т.д. К знакам экстравертного поведения относятся также и фигуры увеличения, прибавления: повторы, в том числе контактные, редифы, полиптотон, антанакласис, анафоры, эпифоры, рефрен, реддация, симплока; параллелизмы, хиазм, и т.д. При этом сам поэтический текст в рамках прагмалингвистического исследования рассматривается, как часть поэтического дискурса, который подразумевает систему, состоящую из следующих компонентов:

1) участники коммуникации – отправитель и получатель (читатель), их личностные, социальные, ситуативные характеристики;

**БЕКИР ЧОБАН-ЗАДЕ КАК ТИП «ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ».
ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОЭТА В АСПЕКТАХ ПРАГМАЛИНГВИСТИКИ**

2) текст – стихотворение, который представляет собой целостный речевой отрезок, представленный множеством языковых элементов и связей между ними, содержащий определённую информацию о реальной действительности, отправителе и получателе, соответствующий определённым жанровым характеристикам;

3) обстановка создания и восприятия поэтического текста.

Применяя параметры прагмалингвистического анализа к творчеству Бекира Чобан-заде, необходимо учитывать то обстоятельство, что, несмотря на поиски новых форм выражения, попытки сближения с европейскими поэтическими школами, оно во многом еще традиционно. Как было сказано выше, многие его стихотворения выдержаны в русле тюрко-татарской народной поэзии, преимущественно песенных жанров, с характерными повторами, речитативами, рефимами, со своеобразным синтаксисом. Поэтому, выстраиваемый поэтом дискурс несколько специфичен и, безусловно, несет в себе черты, отличающие данный способ поэтической коммуникации от подобных моделей европейских и русских авторов.

Однако многие традиционные приемы Чобан-заде употреблял намеренно, подчеркивая и усиливая смысл, заложенный внутри фразы:

Bir ucuz çaşav derdinde her kes,	/	Дешевой жизни заботами (охвачен) каждый,
Ucuz bir çaşav derdinde her kim.	/	Жизнью дешевых забот (охвачен) всякий,
Türbeler çöke, mezarlar umray,	/	Вниз опадают склепы, осыпаются могилы,
Ne topraq astında bir er kevdesi...	/	Ни под землей (нет) погребенного мужа...
Ne topraq üstünde bir cigit sesi...	/	Ни над землею (не звучит) голос джигита...

«Qart Çerkes» («Старик Черкес»), 1919 [9, с. 85]. (Здесь и далее подстрочный перевод Рустемова О.Д.)

Приведенный отрывок представляет собой нерифмованное стихотворение, построенное на аллитерациях и прямых повторах, симплоке. Перемена слов в начале первых двух строк несколько по-другому расставляет акценты, что меняет общий смысл высказывания: *заботы дешевой жизни и жизнь (состоящая) из дешевых забот*. На первый взгляд, речь идет об одном и том же, но по-сути дела, через сплав объективного и субъективного дана констатация характера жизни и звучит упрек современникам за их пустую, никчемную жизнь.

В третьей строчке присутствуют синонимические повторы – *склепы и могилы*, и повторяющиеся семантические пары – *склепы опускаются* (вниз), *могилы осыпаются, выравниваются*. Речь идет о стирающейся памяти народа о себе, о своих героических предках. Четвертая и пятая строчка в фонологическом аспекте является практически рефреном (далее по тексту две заключительные строчки каждой строфы проявляются абсолютным рефреном, как в жанре народной песни).

На наш взгляд, в данном стихотворении, несмотря на фигуры усиления речи (симплока, анафора и т.д.), проявился интровертный характер поэта. Представленный дискурс служит наглядным примером эллиптических конструкций. Присутствует недосказанность (только в третьей строке из пяти наблюдаем полный синтаксис и в нем участвуют глаголы). Текст лишен информативности, речь не обращена к внешнему миру, на объекты или на читателя. Она скорее свернута и направлена на внутренние переживания автора, служит выражением его печали, грусти. Стихотворение обнаруживает параллелизм с народной песней, которая строится на эмоциях, создает настроение, но почти ничего не сообщает за исключением одной какой-нибудь главной мысли.

Однако нельзя сказать однозначно, что Чобан-заде фигура замкнутая, малоспособная к внешним действиям и проявлениям, всецело поглощенная своим внутренним миром. Его экспрессивная любовь к Родине, мучительные переживания о судьбах народа побуждают поэта к деятельности. Романтические настроения, навеянные турецкими и венгерскими поэтами-революционерами Тефвиком Фикретом, Мехметом Юрдакулом, Яношем Арани, нашли свое выражение в героизации прошлого крымских татар, приданию ему черт былинного богатырства и удалства. О таком, уже ушедшем прошлом, тоскует автор в стихотворениях: «Хайтарма», «Тоска», «Танду», «Эх, быть бы мне...», и др. В них мы наблюдаем несколько иную картину, нежели в приведенном выше отрывке. Ритмы здесь активнее, синтаксис более полный, развернутый, хотя не везде усложненный, как в случае ярко выраженного экстравертного поведения. Совершенно уместны фигуры гиперболизации, приемы усиления, яркие прямые метафоры.

Qollar demir, baş emen. Könlüm tolu ateşmen.	/	Железные руки, дубовая голова. Огнем горит душа моя.
Bir col tapsam cürecek. Bir qoranta kirecek...	/	Найду ли путь, она пойдет. В семью к кому-нибудь войдет
Bir qoranta kirecek.	/	В семью к кому-нибудь войдет.

«Qollar demir, baş emen...» («Железные руки, дубовая голова...»), 1919. [9, с.79]

В стихотворении есть порыв, экспрессия, но они носят больше какой-то внутренний характер. Выражается некое подспудное желание, но нет прямого воздействия на читателя, оно завуалировано. Активная экстравертная заявка первой строки, усиленная гиперболизированными метафорами, несколько свернута во второй строке. Эта свернутость, выраженная сослагательным наклонением и нейтрализующая начальный бросок, повторяется в рефрене. Присутствует двоякость речевого поведения: фигуры усиления речи (рефрен, гипербола, экспрессивная лексика) соседствуют с нераспространенным, а иногда и усеченным синтаксисом и сослагательным наклонением глагола. Таким образом, обнаруживается основная

мотивация героя – желание быть услышанным, выражение надежды быть услышанным. Следующая строфа стихотворения уже лишена яркой экспрессии начала первой строфы:

Uzaq curtun dertleri. Bar köyleri, kentleri, / Печаль далеких стран. Тех городов и хуторов
 Saşay qalbim, özümde. Oynay her bir sözümde... / Живет во мне, душа моя. И поет в каждом моем слове...
 Oynay her bir sözümde. ... / И поет в каждом моем слове...

Однако экспрессия уже задана. Навеян образ великана, большого человека с железными руками и дубовой головой. Но оказывается, что этот великан печален и сентиментален. Стихотворение написано в 1919 г., т. е. во время учебы Бекира Чобан-заде в Будапеште. Следовательно, «печаль далеких стран» – аллегорическое высказывание о любви к Родине и тоске по ней. Далекая страна – Крым, отчасти Турция.

Далее по тексту мы находим и прямые обращения поэта. Они связаны с женщиной, которую лирический герой просит излечить его поцелуем от болезни:

Zülüflerin qınallı. Dudaqların duallı. / Хной окрашенные локоны, губы в молитве
 Bir öp meni hastaman. Al, muğavçan dudaqman, / Поцелуй меня разок, болен я. Невеселыми алыми губами,
 Al, muğavçan dudaqman... / Удрученными алыми губами...

Эта женщина, возможно, прообраз реального человека, так же как и сам лирический герой, персонаж некоего симулякра, гиперреальности, рисуемый поэтом. Жизнь, представленная в стихотворении Бекира Чобан-заде, существует во снах, в мечтах и фантазиях автора. Она состоит из рельефных гипер объектов и представляет собой законченный мир. Это мир былинных тюркских и татарских героев, он связан с исламской культурой и мифологией. В нем много заманчивого, он далек от невеселой действительности мира 1-го уровня, зримого и осязаемого. Воспроизводимый мир – сказка, где он подлинный герой и вершитель судеб. Мир этот многолик, существует во множестве образов, например в образе мифологического пса Кытмира:

Şu cuqlağan herifler. Sessiz Eshab-ı Kehver / Это спящее мужичье. Молчаливые семеро братьев¹.
 Men Qıtmırman havlayman. Qalqınız dep cılayman, / Я Кытмиром залаю. *Пробудитесь*, – взреву
 Qalqınız dep zarlayman... / *Пробудитесь*, – заплачу...

В стихотворении отчетливо прозвучал упрек поэта своим современникам, ищущим спасения от гнета поработителей не в активной борьбе и противостоянии, а в уходе от реальности в сон. Сон здесь выступает как аллегория приверженности традициям, заложенным на фатализме, философии молчаливого безучастия. Поэт готов взять на себя функцию глашатая, зовущего на борьбу, более того, он способен возглавить эту борьбу. При этом в синтаксисе и лексике произведения наблюдаются элементы удержания: «Пробудитесь, – взреву; Пробудитесь, – заплачу, ...» Возможно, поэт терзается мыслью о тщетности разбудить народ, к которому он апеллирует, он устал от потуг и попыток заставить его действовать. Возможно и то, что этот народ, сам по себе великий, мощный, с огромным потенциалом, спит, оглушенный свалившимися на него бедами. Он подобен трусливому льву, не осознающему собственной мощи и силы, прячется от наглых и дерзких охотников в своем логове – сне. А возможно и то, что поэт сам не уверен в том, на какую все же борьбу готов он разбудить народ, и что может принести эта борьба: пользу или окончательную гибель. Ведь смерти вправе искать и требовать себе только сам герой. Об этом речь идет в стихотворении «Хайтарма», где в заключительных двух строфах лирический герой рассуждает, насколько правомочно ему будет подвигать народ свой к подобной гибели.

Однако поэт не отказывается от миссии, которую он сам на себя возлагает, быть рупором, знаменем, проповедником, примером и глашатаем романтической борьбы:

Bu sözlerin bek açıq. Oqur, annar balaçıq... / Слова эти – ясные. Прочтут их и дети и матери...
 Yaqınımın her kesnin. Türik, tatar, çerkesin. / Зажечь я всех сумею. Татар и турок, и черкес
 Türik, tatar, çerkesin. / Татар и турок, и черкес.

Заканчивается стихотворение характерной антитезой:

Qayğı, quvanç toyumda – Calancı çoq / Печаль и радость на моем пиру – Лжецов ведь много
 soyumda, / у меня в роду.
 Buysanız, ölürmen – Bir cigitçe ölümnen, / Ну вот, пожалуйста, – я умру – Джигита смертью я
 умру
 Bir cigitçe ölümnen... / Джигита смертью я умру...

¹ Eshab-ı Kehver – семеро братьев, которые согласно мусульманскому преданию, описанному в Коране, спаслись в пещере от преследования жестокого шаха, где Аллах навел им долгий сон. Триста лет проспали братья в этой пещере, у входа в которую спал преданный им пес – Кытмир. Он и разбудил, в конце концов, братьев своим громким лаем. Чобан-заде сравнивает народ свой со спящими братьями, а себя с их псом, будящим людей (Р.Л., Р.О.).

**БЕКИР ЧОБАН-ЗАДЕ КАК ТИП «ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ».
ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОЭТА В АСПЕКТАХ ПРАГМАЛИНГВИСТИКИ**

Это противопоставление настроений – печаль и радость, пир и смерть, проходит красной нитью через все творчество Бекира Чобан-заде. У него нет прямых лозунговых воззваний, как у Мехмета Юрдакула, или Яноша Араня. Стиль крымского поэта больше напоминает стиль Тефвика Фикрета, полного изобличительного сарказма, насыщенного яркими, гиперболизированными метафорами, но лишенного прямого побуждения к действию. Таким образом, в речевом поведении Чобан-заде наблюдается нейтрализация частых попыток экстравертного проявления путем ухода в сторону раздумий, идеалистических представлений и фантазий, которые носят скорее экзистенциальный характер. Превратности судьбы поэта, эволюция мальчика пастушонка из Карасубазара в доктора филологии одного из ведущих университетов Европы не могли не пробудить в молодом человеке склонности к самоанализу. В результате это привело к ясному и четкому осознанию незавидного современного состояния крымских татар и своего места среди них. Народ, обреченный на гибель в силу собственного бездействия и он, Чобан-заде, представитель этого народа, достигший европейского уровня восприятия картины мира, вынужденный лишь констатировать печаль и великое сожаление по поводу судьбы своей Родины. Желание действовать останавливается отсутствием четкого знания, как это сделать наименее безболезненно для народа и в то же время наиболее эффективно для него.

Годы пребывания в будапештском университете это еще и период исканий Чобан-заде как ученого, как личности, поэта и патриота. Это обусловило не совсем выраженный языковой тип, скорее мятущийся от состояния порыва и готовности к атаке до состояния глубокой внутренней печали, осознания бессилия и желания умереть в том мире, который существует в его поэзии, в его фантазиях и представлениях идеальной реальности. Таким образом, творчество Чобан-заде, рассмотренное в дихотомии экстравертное – интровертное речевое поведение, занимает нейтральное положение, обращенное как к одному, так и к другому типу языковой личности.

Источники и литература:

1. Барт Роллан. Смерть автора / Роллан Барт // Избранные работы : Семиотика : Поэтика / Роллан Барт.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова; [пер. с фр.]. – М. : Прогресс, 1989. – С. 393.
2. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии : Анализ поэтического текста / Ю. М. Лотман; М. Л. Гаспаров. – СПб.: Искусство, 1996. – 846 с.
3. Пушкин А. А. Прагмалингвистические характеристики дискурса личности / А. А. Пушкин // Личностные аспекты языкового общения. – Калинин : Калининский Гос. ун-т, 1989. – С. 45-53.
4. Рустемов О. Д. Мотивы лирики Б. Чобан-заде / О. Д. Рустемов // У Лукоморья : науч.-популярный филол. журнал для детей, юношества и педагогов. – Симферополь, 1998. – № 1-4. – С. 13-16.
5. Рустемова Л. А. «И джигитов отважных могилы – туман». Об истоках романтической символики в поэзии Бекира Чобан-заде / Л. А. Рустемова, О. Д. Рустемов // Современная русская поэзия : традиции и новаторство : вестник междунар. крымских чтений Б. А. Чичибабина. – Симферополь : Крымский архив, 2011. – Вып. 7. – С. 155-167.
6. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де. Соссюр. – М. : Прогресс-М, 1977. – 696 с.
7. Сусов И. П. Коммуникативно-прагматическая лингвистика и ее единицы / И. П. Сусов // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса. – Калинин : КГУ, 1985. – С. 3-12.
8. Эко Умберто. Шесть прогулок в литературных лесах : авторский сб. / Умберто Эко. – М. : Симпозиум, 2002. – 288 с.
9. Юнусов Ш. Э. Крымскотатарская поэзия 20-х годов XX века. Традиционное мировоззрение и меняющийся мир / Ш. Э. Юнусов. – Симферополь : Доля, 2004. – 166 с.
10. Çoban-zade Bekir. Bir saray quracaqman!.. : Şiirler / Bekir Çoban-zade. = Чобан-заде Бекир. Я построю дворец!.. : стихи / Бекир Чобан-заде. – Simferopol : Sonat, 2001. – 248 s.
11. Shipley Joseph T. Dictionary of World Literature : Criticism, Forms, Technique / Joseph T. Shipley // The Philosophical Library. – N. Y. : Philosophical Library, 1943. – S. 844-845.
12. Taymas Battal A. Kıymlı Bekir Çobazade'nin şiirleri / Battal A. Taymas = Таймас Баттал А. Стихи крымчанина Бекира Чобан-заде / Баттал А. Таймас // Türkiyat mecmuası. – İstanbul üniversitesi Türkiyat Enstitüsü tarafından çıkarılır. İstanbul, Osman Yalçın Matbaası, 1955. – Cild 12. – S. 23-44.
13. Otar İsmail. Kıym Türk Şair ve Bilgini Bekir Sidki Çobanzade / İsmail Otar = Отар Исмаил. Крымский тюркский поэт и ученый Бекир Сидки Чобан-заде / Исмаил Отар // İstanbul, Lebib Yalçın Yayımları ve Basım İşleri A.Ş. 1. Baskı, mayıs 1999 s.